
Е. Ю. БАСАРГИНА

К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ПАЛЕСТИНСКОГО КОМИТЕТА

Вступление Турции в Первую мировую войну 16 октября 1914 г. и последующие события осени 1914 г., прервавшие культурную и просветительную деятельность России в Палестине, обратили внимание русского общества на необходимость обеспечить научные интересы России в Палестине и прилегающих к ней областях.¹ Неизбежность пересмотра после завершения войны мирных договоров, заключенных Россией с различными государствами, и в частности с Турцией, который должен был коснуться и Палестины, побудила политиков обратиться за помощью специалистов по палестиноведению, чтобы подготовить предложения, которые могли лечь в основу наших будущих требований по вопросам упорядочения правовых условий, необходимых для деятельности русских учреждений в Палестине и Сирии, и обеспечения прав русской науки на территории Палестины, Сирии, Финикии и Синая.

Обстоятельства военного времени подали ученым надежду открыть в Иерусалиме Русский археологический институт и таким образом осуществить давнишнюю мечту Императорского Православного Палестинского общества (далее — Палестинское общество), которую оно лелеяло с тех пор, как в 1901 г. П. К. Коковцов представил в общество записку о научных задачах русского палестиноведения и необходимости открыть в Иерусалиме археологический центр. Этот проект не был осуществлен прежде всего потому, что в жизни Палестинского общества научные исследования всегда занимали скромное место и ограничились

¹ Предысторию вопроса см.: *Stavrou G. Russian Interest in Palestine 1882—1914. Thessalonike, 1963. P. 87—114.* В общих чертах история проекта изложена в кн.: *Ершов С., Пятницкий Ю., Юзбация К. Русский археологический институт в Константинополе (К 90-летию со дня основания) // ПС. Л., 1987. Т. 29. С. 8—9; Грушевой А. Г. Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 135—138; Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX—начале XX в. М., 2006. С. 209—214.*

раскопками в Иерусалиме в 1883 г. и небольшими изысканиями и экскурсиями в последующие годы.

В начале ноября 1914 г. по инициативе члена Государственной думы Е. П. Ковалевского несколько членов ИАН и профессоров Петроградского университета образовали частное совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине. Первое собрание, в котором приняли участие В. В. Бартольд, В. Н. Бенешевич, А. А. Дмитриевский, Е. П. Ковалевский, Н. П. Кондаков, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, М. И. Ростовцев, Я. И. Смирнов, Б. А. Тураев, Ф. И. Успенский, было посвящено предварительному обмену мнений, из которого выяснилась желательность разграничения обсуждения правовых условий деятельности русского научного учреждения в Палестине и формы этого учреждения. Для обсуждения этих главных вопросов совещание образовало две комиссии.

Комиссия, в состав которой вошли Успенский, Дмитриевский, Ковалевский, Крачковский и Смирнов, занималась выяснением тех юридических условий, которые могли содействовать успеху научного исследования Палестины: обеспечение права собственности, права раскопок, охраны древностей и облегчение исследования церковных памятников. Комиссия исходила в своей работе из того принципиального положения, что совещание ставит перед собой чисто научные цели и совершенно не будет касаться вопросов общегосударственной и церковной политики.²

В законодательстве довоенной Турции по вопросам владения недвижимостью царил полный хаос: особенно запутывало положение отсутствие в турецком праве понятия юридического лица, что заставляло учреждения прибегать к системе обмана и подставным лицам; а весь «предшествующий опыт Православного Палестинского общества с полной определенностью и яркостью говорил, что единственной хорошей стороной в прежнем порядке была возможность подкупа».³ Не предвещая исхода войны и будущего Турецкой империи, комиссия признала принципиально важным выработать «точные законодательные нормы касательно способов и прав приобретения и владения недвижимую собственностью в Палестине и Сирии с признанием прав собственности юридических лиц; закрепление за действительными собственниками принадлежащих русским учреждениям и лицам земельных участков в Палестине и Сирии».⁴

В работе второй комиссии приняли участие Кондаков, Марр, Смирнов и Ростовцев. Эта комиссия выработала проект создания русского научного учреждения по палестиноведению, состоящего из двух частей: Института в Иерусалиме для историко-археологического изучения Палестины и прилежащих стран и Комитета по палестиноведению в Петрограде для обсуждения общих вопросов, издания печатных трудов

² ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 2—6. Протокол заседания 13 ноября 1914 г.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, л. 15. Приложение к протоколу от 21 ноября 1914 г.

⁵ Совещание по Палестине. 26 ноября 1914 г. С. 1 (опубл. на правах рукописи).

и «создания соответствующей ученой среды, из которой могли бы вербоваться работники для изучения Палестины».⁵ Усилению нашей научной деятельности на территории Палестины, Сирии, Финикии и Синая должен был служить и туземно-международный комитет по охране древностей, необходимость создания которого вытекала из международного научного значения Палестины. Помимо местных членов, в нем были широко представлены русские научные и духовные учреждения.

Обсуждение результатов работы обеих комиссий прошло 15 декабря 1914 г. в присутствии двух новых членов — Коковцова, автора идеи создания археологического института в Палестине, и И. И. Соколова, знатока церковной жизни Востока. Во время обсуждения проекта Дмитриевский, секретарь Палестинского общества, заявил, что общество считает эту организацию неприемлемой, так как намеченные ею задачи уже осуществляет научный отдел общества, и в случае внесения этого законопроекта оно будет протестовать. Хотя Дмитриевский вскоре признал, что его заявление носит частный характер и вовсе не является мнением всего общества, оно поставило под сомнение возможность сотрудничества будущего учреждения с Палестинским обществом. Ростовцев даже признал, что в высказывании Дмитриевского приходится видеть своего рода veto на дела совещания со стороны членов общества. После этого было решено всех членов совещания считать частными лицами, а не представителями тех учреждений, с которыми они связаны.

Предварительные результаты работы совещания были оформлены в виде записки «Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях», которая была опубликована в конце 1914 г. и состоит из объяснительной записки и четырех разделов: «О правовых условиях деятельности русских учреждений в Палестине и Сирии»; «Обеспечение права раскопок и исследования памятников древности»; «Туземно-международный комитет по охране древностей» и «Организация русского научного учреждения по палестиноведению».⁶

Дальнейшее детальное обсуждение положений проекта проходило в 1915 г. в более широком кругу специалистов. В начале 1915 г. состав совещания пополнился новыми членами: в него вошли Н. Н. Глубоковский, М. А. Дьяконов, В. В. Латышев, П. В. Никитин, Н. В. Покровский, Б. В. Фармаковский. На заседании 3 января 1915 г. в центре обсуждения стоял вопрос о том, к какому учреждению сможет присоединиться будущий Комитет по палестиноведению. Рассматривались возможности его учреждения при Академии наук и Палестинском обществе. Мнения участников совещания по этому вопросу разделились.

Латышев, председательствующий в отделении ученых изданий и исследований Палестинского общества, склонял участников совещания к этой организации, ведь она много лет работала в Палестине и имела большой опыт в области ее изучения. Бенешевич также предложил сначала обратиться в общество, хотя и не особенно рассчитывал на успех

⁶ Россия в Святой Земле: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 339—349. ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 19 об.

«ввиду ярко выраженного конфессионального характера общества и некоторого охлаждения общества к археологической деятельности»; в случае же отрицательного ответа общества совещание могло передать свой проект в Академию наук. По мнению Никитина, исключительно научные цели будущих комитета и института указывали им место скорее в Академии наук, чем в Палестинском обществе, которое имело в виду главным образом практические, а не научные цели. Никитин при этом сослался на богатый опыт работы при Академии наук самостоятельных комитетов и комиссий по различным научным предприятиям, в том числе международным. Большинство голосов (11 против 4) все-таки было решено сначала обратиться в Палестинское общество.⁷

Ответ Палестинского общества был получен через три месяца и разочаровал членов совещания. Проект, предложенный обществом, в главных пунктах противоречил положениям, принятым Совещанием. По этому проекту Комитет палестиноведения учреждался в составе учебного отделения Палестинского общества и находился в ведении председательствующего в этом отделении. Каждый член Палестинского общества по собственному заявлению мог быть членом комитета с правом решающего голоса, в то время как член комитета не допускался к участию в совете общества. Таким образом комитет терял свою автономность и целиком находился в административном подчинении совету Палестинского общества.⁸

Членам совещания не оставалось ничего другого, как обратиться к содействию Академии наук. Сделано это было именно в то время, когда Академия наук навлекла на себя гнев общественного мнения из-за отказа исключить из своих списков «подданных враждебных России государств». Несмотря на то что момент был выбран не самый благоприятный, 2 мая 1915 г. Академия наук на Общем собрании признала желательным свое участие в организации русского учреждения для научного исследования Палестины.⁹

Специально созданная академическая комиссия в составе В. И. Вернадского и Н. И. Андрусова (от I Отделения), Н. П. Кондакова (от II Отделения), Ф. И. Успенского, П. К. Коковцова, Н. Я. Марра (от III Отделения) обсудила вопрос, в каком виде могло выразиться участие Академии наук в изучении Палестины, и пришла к заключению, что «необходимо sobлюсти единство в организационном участии Академии, не дробя его между комитетом в Петрограде и зависимым от него институтом в Палестине».¹⁰ Поэтому комиссия признала желательным создать при Академии наук Палестинский комитет, главной задачей которого было бы учреждение научного историко-археологического ин-

⁷ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 19 об.—20.

⁸ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 361—366.

⁹ Протоколы заседаний Общего собрания РАН. [Пг., 1915]. Заседание 2 мая 1915 г. С. 73. § 81 и Приложение 1: Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях. Докладчик Е. П. Ковалевский. С. 80—91.

¹⁰ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 59: Протокол заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины от 7 мая 1915 г.

ститута в Палестине. По настоянию членов Физико-математического отделения в программе этого института были представлены и естественно-исторические дисциплины. 18 мая 1915 г. комиссия собралась вновь и подготовила доклад для Общего собрания с проектом Палестинского комитета при ИАН. Однако вследствие военных событий обсуждение проекта было отложено. Общее собрание вернулось к рассмотрению этого проекта только 4 марта 1917 г.

Накануне собрания, 6 февраля, прошло совместное заседание академической комиссии и частного совещания. Однако некоторые бывшие участники частного совещания уже не верили в возможность осуществить этот проект. Латышев, например, в ответ на приглашение постоянного секретаря С. Ф. Ольденбурга написал, что учреждение Комитета палестиноведения представляется ему несвоевременным, «во-первых, потому, что в настоящее время вряд ли можно рассчитывать получить на такое учреждение средства из Государственного казначейства ввиду крайней обремененности его насущными расходами, во-вторых, потому, что будущее политическое положение Палестины еще неизвестно, и — last not least — потому, что в России уже 35 лет существует общество, имеющее специальной целью всестороннее изучение Палестины».¹¹

На заседании 6 февраля Ольденбург сделал доклад о работе академической комиссии по вопросу об исследовании Палестины и представил «Проект положения о Палестинском комитете при Императорской Академии наук», согласно которому «при Академии наук учреждается „Палестинский комитет“ для изучения Палестины и сопредельных с ней стран».¹² Отступление от первоначального проекта, предполагавшего сосуществование двух параллельных учреждений, комитета в Петрограде и института в Палестине, Ольденбург объяснял тем, что задачей комитета является «обсуждение вопроса во всей его полноте и подготовка создания института, для чего в данный момент вряд ли имеются достаточные научные силы».¹³

По проекту Палестинский комитет ставил перед собой следующие задачи: «1) оживление в России интереса к палестиноведению; 2) поддержку русских ученых в их научных занятиях в области изучения Палестины и сопредельных с нею стран; 3) создание историко-археологического института в Палестине; 4) изыскание средств для организации и расширения русских научных предприятий в Палестине и связанных с ними работ вне ее».¹⁴ Проект был поддержан членами частного совеща-

¹¹ Там же, л. 74—74 об. Письмо В. В. Латышева С. Ф. Ольденбургу от 6.02.1917.

¹² Протоколы заседаний Общего собрания РАН. [Пг., 1917]. Заседание 4 марта 1917 г. С. 70. § 82 и Приложение 1: Протокол совместного заседания комиссии, избранной Императорской Академией наук по вопросу об исследовании Палестины, и членов частного совещания по вопросу о русских научных интересах в Палестине 6 февраля 1917 г. С. 75.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 75—76.

¹⁵ Там же. С. 70. § 82. Коковцов настаивал на том, чтобы главной задачей Палестинского комитета было учреждение Русского археологического института в Иерусалиме для изучения Палестины и сопредельных с ней стран, а все прочие задачи комитет выпол-

ния и утвержден Общим собранием РАН 4 марта 1917 г.¹⁵ Дальнейшие политические события перечеркнули все планы.

Вновь академическая комиссия собралась в октябре 1918 г. для того, чтобы обсудить судьбу самого Палестинского общества, главные деятели которого подверглись аресту, но по распоряжению комиссара по просвещению А. В. Луначарского были к этому времени освобождены. Комиссия признала желательным как можно скорее добиться утверждения нового устава общества. Академия наук поддержала проект нового устава общества с той оговоркой, что общество изменит название «Русское Палестинское общество» на «Российское Палестинское общество», и представила проект на утверждение правительства.

В марте 1919 г. Палестинское общество, не дожидаясь утверждения своего устава, предложило Академии наук принять общество в свое ведение и отредактировать заголовок устава так: «Устав состоящего при РАН Российского Палестинского общества». Академия наук отклонила это изменение устава. Между тем в ночь на 13 июня в доме Палестинского общества по адресу Мытнинская ул., д. 10 был произведен обыск и изъят ящик с документами общества. Совет общества во главе с и. о. председателя общества академиком Латышевым искал защиты в Академии наук, потому что считал общество состоящим в ведении РАН вплоть до утверждения нового устава общества. Покровительство Академии наук, однако, не облегчило участи Палестинского общества. 30 июня 1921 г. его помещение было опечатано, правитель дел общества В. Д. Юшманов был арестован вместе с женой и сыном. В ноябре того же года дом на Мытнинской ул. был передан центральному жилищному отделу, и имущество общества было перевезено в академическое помещение на Тучковой наб., д. 2. В 1923 г. Палестинское общество было упразднено, чтобы уже через два года, в 1925 г., возобновить свою деятельность на новых основаниях.

Проект Русского археологического института в Иерусалиме был окончательно похоронен, о нем не вспомнили даже, когда Академия наук обсуждала в 1920 г. проект положения о русских научных институтах за границей, также, впрочем, оставшийся неосуществленным.¹⁶ Обсуждение планов изучения Палестины в Академии наук и в Палестинском обществе, хотя и не дало положительных результатов, выявило общие научные интересы и наметило пути возможного сотрудничества.

нял бы только до момента учреждения этого института: Там же. Заседание 15 апреля 1917 г. С. 120. § 140 и Приложение 3: Особое мнение академика П. К. Коковцова, приложенное к протоколу заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины, состоявшегося 7 мая 1915 г.; Особое мнение академика П. К. Коковцова, приложенное к протоколу заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины, состоявшегося 18 мая 1915 г. С. 129; Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 366—367.

¹⁶ Протоколы заседаний Общего собрания РАН. [Пг., 1920]. Заседание 4 сентября 1920 г. § 107 и Приложение 3: Положение о русских научных институтах за границей; Объяснительная записка к проекту Положения о русских научных институтах за границей. С. 70—78.